

БРАТ МУРАТ, ЕВГЕНИЙ ТАШУК

После того...

РОМАН-ДЕМОТИВАТОР

Евгений Ташук

После того... Роман-демотиватор

«Издательские решения»

Ташук Е. В.

После того... Роман-демотиватор / Е. В. Ташук — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-905770-9

Роман-демотиватор, содержащий юмор и сатиру, черный юмор и откровенный стёб, философские потуги и прочую ересь, расскажет читателю о том, что случилось в обычном провинциальном городке в постперестроечные годы, о приключениях его жителей, о хитросплетениях прошлых времен с современным политическим моментом. И да, куда же без всяких тайн и чертей!..

ISBN 978-5-44-905770-9

© Ташук Е. В.
© Издательские решения

Содержание

ОТ АВТОРОВ	6
ГЛАВА 1	7
ГЛАВА 2	13
ГЛАВА 3	19
Конец ознакомительного фрагмента.	23

После того...

Роман-демотиватор

Евгений Витальевич Ташук
Брат Мурат

© Евгений Витальевич Ташук, 2018

© Брат Мурат, 2018

ISBN 978-5-4490-5770-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ОТ АВТОРОВ

Господа пришельцы на эту грешную Землю, в эту юдоль, в эту жизнь!

Хочется напомнить вам одну пренеприятнейшую истину: мы находимся в этом мире временно! Поэтому лучше всего представить себе, что вы командировочный, а ещё лучше – разведчик. И вам необходимо вжиться в образ, устроиться в незнакомом месте, обрести связи, собирать информацию, воспользоваться ею разумно... Но мы для вас накопили столько информации, что вы будете на несбыточном седьмом небе, лишь в виде зримых буквочек соприкасаясь с грешной Землей, дабы после приземления на неё, вы, без очков розовых, могли бы совершенно смело обходить стороной опасные минны, грозящие испачкать ваши нежные и ранимые души, а то и вовсе – уничтожить ваше желание радоваться жизни.

Итак, господа, вы хотите узнать, что произошло после того, как разнесчастный социализм, с его надеждами на лучшее будущее для всего прогрессивного человечества, накрылся медным тазом, в самом обычном провинциальном городке Мамоново? Да?..

Мы, авторы сего романа-демотиватора «После того», в котором вы найдете иронию, стёб, сатиру, чёрный юмор и просто добрый, веселый юморок, Брат Мурат и Евгений Ташу, умываем руки и лица свои, оставляя вас один на один с «героями», дабы вы насладились собственным смехом и, если это возможно, – светлой, а быть может очень чёрной, печалью!

С уважением, Брат Мурат, Евгений Ташу.

ГЛАВА 1

Да что ж это за времена такие? Из всех щелей вылезает нечисть!

Через пару лет после того, как разнесчастный социализм, с его надеждами на лучшее будущее для всего прогрессивного человечества, накрылся медным тазом, неизвестные злоумышленники темной ночью, скovyрнув ломом простой навесной замок, умыкнули из заводского музея чучело известного зачинателя династии сталеваров Ломовых – ветерана завода «Серп и Молот» Каземира Егоровича, более известного товарищам по бригаде под кличкой «Ломовой пень». Говорят, особо приближённые и близкие друзья называли его просто – Ломик. Старожил рабочего посёлка городского типа Мамоново Каземир Егорович умер кавалером ордена «Трудовой Славы» всех степеней, отчего его друзья горько шутили, что тот почил в очень большой славе.

Ломов был идеальным рабочим: без единого – не то, чтобы чёрного, но и хотя бы даже серенького – пятнышка. Ломовой пень всю жизнь работал, как говорили в народе – корячился, и кроме работы и убоготворения в ней, не имея других талантов для возвышения над другими и удовлетворения собственной гордыни, не знал ничего. Но, однако, рабочая слава его вполне удовлетворяла, ибо давала возможность ублажать многие его физические потребности. Смерть его была в ряду значительных событий, ибо сразу же после его смерти, рабочему посёлку городского типа был придан статус районного центра. (Статус города тоже подумывали дать, но случился развал Союза, и стало не до этого.) И это символическое совпадение многим запомнилось, а потому наполнилось некой мифической значимостью – говорили, что Ломовой стал ангелом хранителем Мамоново.

Чучело Каземира Егоровича было в полной сохранности и выглядело вполне сносно. Поговаривали, что со временем оно даже как-то помолодело, что ли... Судачили ещё, что в юные годы Ломик был бравым гусаром с вихрастым рыжим чубом и грозой молодых мамоновских вдовушек. Чем он им там грозил – вполне понятно, но старушки почему-то любили вспоминать именно этот вихрастый чуб. Говорили также, что у него была одна странная привычка: он здоровался со всеми – и со знакомыми, и с малознакомыми, и даже с совсем незнакомыми ему людьми.

В день пропажи чучела знаменитого сталевара в Мамоново произошли еще несколько событий. Во-первых, над городком воссияла аномально-огромная радуга. Во-вторых, скончался настоятель мамоновского храма святого Владимира Самозванного отец Иннокентий, который, впрочем, был уже весьма дряхлым стариком. В-третьих, бывший мамоновский мэр В. И. Нипухликов, которого в народе за глаза прозывали Винипух, был уличен в крупномасштабном хищении денежных средств из муниципального бюджета, а потому был переведен на вышестоящую должность губернатора края. В-четвертых, в Мамоново были объявлены срочные досрочные выборы нового мэра.

Мамоново имело писанную и неписанную историю. Писанная утверждала: «Основанное еще самим промышленником Демьяновым в 1507 году в качестве рабочего поселка чугунолитейного завода, Мамоново получило свое название в честь польского духа, помогавшего роженицам, одна из коих и была среди первых крепостных рабочих-переселенцев, пригнанных Демьяновым на это место...».

Хотя, если сказать откровенно, всё было намного прозаичнее: здесь содержались пересильные, заболевшие сифилисом – срамной болезнью, которую в простонародье называли мамоном, и как раз об этом не умалчивала выморенная, в силу ее не удобства, неписанная история, наперекор всему сохранявшая, пусть даже в виде сплетен, что-то похожее на правду. Но как бы там ни было, утверждали, согласно официальной версии, что Каземир Егорович Ломов как раз и был потомком того самого первого родившегося на этой земле ребенка, пол которого история не сохранила...

С тех пор в городке мало что изменилось – ну, разве что, добавилось здание Горисполкома, Горкома партии, отдел милиции с КПЗ, Дом Культуры им. Николая Ежова, Психиатрическая Клиника имени Виссариона Белинского, пара домов сталинской постройки, да квартал хрущевок – вот, по правде говоря, и все преобразования, произошедшие с Мамоново с года его основания. Остальные заведения располагались в домах, построенных еще при царском режиме.

Много известных лиц родилось в Мамоново: это и генерал Африкан Петрович Карлетов, известный тем, что... Впрочем, совсем он ничем не известный, и история не сохранила упоминаний о нем, кроме того, что жил он в середине XIX века. Это и знаменитый летчик-полярник Егор Мамонин, разбившийся на своем легендарном самолете АНТ-25 где-то в таких труднодоступных даже для полета местах, что до сих пор никто не знает о том, где именно он разбился. И, конечно же, уже известный нам Каземир Егорович Ломов. Вот, собственно говоря, и все знаменитые граждане Мамоново за последние пятьсот лет...

...Стоял обычный летний день. Солнце лениво роняло свои лучи на утопающее в зелени Мамоново. Было тихо и весьма лениво, как это бывает во всех провинциальных городках. Казалось, даже птицам было лень щебетать и чирикать. Редкие облачка медленно проплывали над погрязшим в лени Мамоново, не менее лениво отражаясь в водах вялотекущей реки... Лишь перепархивающие с одного цветка на другой, сумасшедшие мотыльки нарушали эту идиллию, внося в нее хоть какое движение.

С южной стороны в городок Мамоново вошёл немолодой человек в клетчатом твидовом костюме свободного кроя и двинулся по закоулкам к центру городка. В это же время с северной стороны, постояв немного на бугорке, с которого открывался унылый вид на невзрачный городок, вступил в пределы Мамоново и двинулся по кривой главной улице другой, не менее молодой, человек в лёгкой синей драповой курточке. Они встретились в центре городка в полуподвальной пивнушке «Стекляшка».

Первым прибыл на место встречи человек в курточке, он заказал два бокала пива и воблу у буфетчицы – глазастой блондиночки Светланы Шуганэ – и, выбрав в глубине зала свободный столик, уселся за ним и стал дожидаться пива. Вскоре вошел человек в клетчатом и сразу же двинулся к столику, где сидел человек в синей курточке.

– Здравствуй, Гог! – сказал клетчатый. – Ты нисколько не изменился.

– Приветствую тебя, Магог! – ответил Гог. – Да и ты всё тот же, за исключением трех седых волосинок.

– Ну, вот мы опять встретились... – рассмеялся Магог. – Рассказывай, где тебя носило?

– Пути, как и судьбы, неисповедимы, Магог, – в ответ рассмеялся Гог. – Главное, что они нас вновь свели. Банкуй!..

– Ну, тогда – начнем?.. – сказал Магог и, вытащив из-за пазухи свёрток из шелкового платка, развернул его и достал оттуда карты. Затем Магог выбрал одну из карт – попалась с изображением человека, идущего в никуда, с котомкой на длинной палке и с колпаком на голове, и положил на стол.

– Начало!..

– Шут...

– Искупление! – выбрал Магог одно из возможных значений карты.

– Хорошо... И очевидная глупость, – добавил Гог.

– Мир состоит из глупости!.. – рассмеялся Магог и положил на стол, разделив колоду, пять стопок карт. – Продолжим... Старшие Арканы...

– Как-то один король спросил шута, – сказал, посмеиваясь, Гог, – мол, не бывает ли ему обидно, от того, что над ним все смеются? «Нет, – ответил неунывающий Шут королю, – ведь я такой, какой есть, ведь я не притворяюсь королем», – с этими словами Гог выбрал из первой стопки карту и положил, открыв, её рядом с Шутом.

– Дьявол, – сказал Гог.

– Так... – задумался Магог. – Выбираю Рабство и Алчность.

– Похоть и Безнадежность... – дополнил Гог. – Теперь твоя очередь – выбирай из Младшего Аркана.

Магог выбрал карту со второй стопки и положил рядом с другими.

– Рыцарь прямой с посохом – авантюрный.

Гог, выбрав карту, положил на стол:

– Дама с пентаклем – практичная...

Гог и Магог целых два часа раскладывали карты и травили байки, затем Гог предложил:

– Может теперь пойдём и посмотрим?

– Не против... – ответил Магог, и они вместе вышли из пивной.

Вернулись они в пивную перед самым закрытием и, выпив по бокалу пива, разыграли с помощью игры «Камень, ножницы, бумага» буфетчицу Светлану Шуганэ. Выиграл Магог – он и навязался провожать буфетчицу.

Варвара Петровна Дородная – дважды разведенная бабенка в ещё пристойных телесах и лет тридцати пяти от роду – по прозвищу «Петропавловна» жила с бесом. Микрорайон старых хрущевок и еще более старых заводских бараков, утопающий в обычной неухоженности и продуваемый из всех возможных щелей этого мира, об этом знал. Знал – и знал... Но, как говорится: не поймана – не полосатая. Бабы на базаре, явно завидуя Варваре, шушукались за ее спиной, распуская сплетни и небылицы, одна чуднее другой.

Варвара Петровна всегда готовая к подвигам, в том числе и к подвигам не совсем высокого порядка, была бабой видной, глазастой и голосистой. В смысле, поголосить она любила... Варвара могла бы запросто возглавить целую пожарную команду, участвуя в тушении пожара любой повышенной опасности, или же выступать, и не только в цирке, останавливая скачущую лошадь, схватив ту на полном скаку за ногу, но и даже работать директором крупного конезавода. Сумасбродство и легкомысленность в ней легко сочетались с удивительной практичностью. Бездетная и безмужняя, она жила, повинуюсь каким-то только ей ведомым импульсам, приходящим, откуда не возьмись, в том числе и из той части тела, которая, как известно, весьма даже любит поиски различных приключений на саму себя, а учитывая тот факт, что та часть тела у Варвары Петровны была весьма даже заметной, то и приключения сами липли к Варваре, не заставляя себя долго искать. И вот, катилась Варвара, катилась и докатилась, и стала жить с бесом...

И вот однажды, ранним и неизвестно чем пахнущим утром, в дверь к Варваре постучался сосед снизу – всем шалопаям района известный грозный мент и вечный капитан – и хмуро попросил немного умерять свою страстную прыть по ночам. Варвара – баба хоть куда, но далеко не с кем попало – разинула в ответ свою рабочую пасть, нисколько не боясь оказать словесное сопротивление сотруднику правоохранительных органов, и послала того по направлению близлежащей воинской части, в которой содержались на казенном довольствии воспалённые от воздержания защитники отечества. Сосед не остался в долгу и пригрозил в ответ Варваре, что, если у неё по квартире будут по ночам и впредь визжать и бегать черти, то он привлечёт её к уголовной ответственности за скотоложство.

Подвешенная на язык, Варвара, отточившая свое мастерство в ежедневных склоках с базарными бабками, мгновенно отпарировала, что, мол, с таким как он, скотиной, она бы не стала спать. Даже за деньги... Даже за большие деньги... От таких слов, весь из себя рыжий, капитан, потеряв дар речи, в ответ только потряс руками, отчего у него из-под мышки выпала, шлепнувшись на пол, словно коровья лепеха, кожаная папка. Наконец, капитан нашелся и выцедил:

– Мырра!..

– А ты Мыррик! – ответила соседка и захлопнула дверь с такой силой, что с потолка на фуражку капитана осыпалась штукатурка.

Пантелеймон Мыррик – а именно так звали капитана – сплюнул, поднял свою кожаную папку, круто повернулся и грозно затопал прочь, будто желая выдавить глаза бетонного пола, ну, а пол, при этом, будто бы, каждый раз прищуривался, не давая ему совершить подобное злодеяние. Вынырнув из пропахшего мочой и подвальными миазмами подъезда, капитан глубоко и жадно вдохнул, как пловец после глубоководного заплыва, и огляделся вокруг, словно

прощаясь с последними мечтами о благой жизни для всех, в том числе и для себя. Он был зол. Под его с виду грубой ментовской шкурой жила нежная, ранимая и мнительная душа. А такая душа вполне может быть и обидчиво-мстительной...

Пантелеймон остановился, ухмыльнулся, достал бумагу из кожаной папки и что-то на ней написал. Затем вытащил из той же папки печать, дыхнул на нее и тут же поставил оттиск. Соловушка-повестка не заставила себя ждать – прилетела и юркнула в Варварин почтовый ящик ядовитого-невзрачного цвета.

Когда старший следователь по особо странным делам Главного Управления МВД ХРЮ капитан Пантелеймон Мымрик зашёл к начальнику отдела, его шеф – полковник Булыга по кличке Булыжник – занимался туалетом: массировал свою, поседевшую за долгие годы службы, голову, закатывая поросычьи глазки. Впрочем, седины не было видно, ибо Булыга красил волосы, но, не смотря на эту процедуру, полковник всегда помнил о своей, пугающей молодых особей женского пола, седине. К тому же, Булыга боялся облысения еще потому, что его новая жена Зося была весьма молода и хороша собой. Комплексующий по поводу облысения, Булыга считал волосатость своей головы преимуществом перед другими полковниками и потому, через каждые полчаса, запустив десятерню в волосы, двигал в разные стороны свой скальп в тщетной попытке обеспечить приток крови к хиреющим волосьяным луковицам.

Служака Пантелеймон услужливо подождал, пока командир, как он его любовно называл, закончил свою процедуру и обратил свой взгляд на вошедшего капитана.

– Здравия желаю! – выпалил вышколенный капитан, хорошо знавший привычки своего начальника.

Полковник Булыга откинулся на спинку кресла и, чтобышний раз подчеркнуть своё превосходство, не удосужился поздороваться в ответ, однако, улыбнулся капитану, как родной отец после долгой разлуки с блудным чадом, и предложил присесть.

– Извини, капитан, а как тебя там дедушка в детстве звал? – спросил неожиданно Булыга.

– Эээ... Не помню... – не нашёлся, заторможенный после бессонной ночи, Пантелеймон.

– А бабушка?.. – гнул своё полковник.

– А бабушка звала меня Пантелеймошей, – доложил капитан по уставу чётко.

– Так вот, Пантелеймоша, у меня к тебе тут одно дельце есть. Небольшое... – надел очки, Булыга начал искать среди кипы бумаг, сваленных грудой на столе, дело для Пантелеймона. Наконец, дело нашлось. И полковник, радостный от того, что дело для капитана, наконец-то, нашлось, протянул его Пантелеймону и сказал:

– Дело свеженькое, только вчера нам передали. Выезжай срочно на место, ещё раз всё проверь и разнюхай. Докладывать лично мне!

– Слушаюсь! – выпалил Пантелеймон, вскочив по стойке «смирно».

– Слушайся, слушайся, мой мальчик... – изображая из себя доброго начальника, сказал сияющий Бульга, очень любивший послушных мальчиков. – Слушайся, и ты тоже станешь настоящим полковником.

ГЛАВА 2

Севастьян или, как его иногда называли друзья и коллеги, Сева – младший научный сотрудник Мамоновского филиала секретного нейро-психиатрического НИИ, официально именуемого «Конструкторское Бюро «ТягжМягш», как раз получил аванс, на который купил у таксистов бутылку мерзкого немецкого шнапса «Каммер-Кирш» и полуиспорченный лимон в овощной лавке. Впрочем, иных фруктов и овощей, как полуиспорченных, в овощном магазине отродясь не бывало...

Вообще-то, Севастьян – это была фамилия, а звали его Гарри. Люди частенько удивлялись, когда узнавали сей факт, и упрямо считали Гарика армянином, хотя нос у него был не вполне армянским. Сам же Гарик, сперва, отнекивался, утверждая, что никакой он не армянин, а потом смирился с этим недоразумением. Тем более, главный научный руководитель Севиной работы Вагиз Арутюнович Мкоян – единственный настоящий армянин с армянским носом в КБ – по этой причине благоволил Гаррику более, нежели остальным мэнээсам.

Интеллигентная наружность Гарри нисколько не подкупала, а, скорее, даже вызывала вопросы, ибо она подчеркивала его чуждость всему, что вокруг него происходило. Даже очки, которые ему приходилось носить из-за дальновзоркости, были похожи на преграду, за которой вполне мог прятаться непонятной породы зверёк, что, собственно говоря, было недалеко от истины, ибо жизнь целенаправленно вырабатывала в нем изворотливость и цинизм. Как говорила народная пословица: хочешь жить – умей вертеться. «В нужных кругах...» – неизменно добавлял в таких случаях комсорг Санька Сандалетов.

Гарик вошел в свою комнату в общаге и закрыл на замок дверь, стараясь быть как можно не заметнее и делая вид, что его нет дома. И это не удивительно – с началом Горбачевской антиалкогольной компании местный комсорг Саня Сандалетов – мелкий шантажист – зачастил с обходами комнат общежития, выискивая нарушителей трезвого образа жизни.

И так: Саня Сандалетов – высокий, статный молодой человек, умеющий льстиво, но искренне улыбаться, когда это было необходимо, вызывал симпатию у старых хрычей, давно и удачно приноровившихся к ханжеской и лицемерной системе взаимоотношений. Это были ценные и опытные кадры, ибо они смогли выжить, и им хватило времени в совершенстве приспособиться, доказав очередной раз аксиому, что приспособленцы приспособляются и приспособляются, пока, наконец, совсем не приспособятся. Ко всему ещё, Сандалетов очень хорошо и мило умел изображать смущение, что ввергало в восторг самопочитания оных стариков. Но, однако, зачастую Саньку невольно выдавали бегающие, вечно озабоченные чем-то глаза. И хрычи, конечно же, понимали, что сей фрукт себе на уме, хотя и считали сие простительным, в силу молодых, а потому, ещё незрелых, устремлений, которые, в свою очередь, вызывали желание опекать и направлять...

Когда дело касалось какой-то, даже маломальской, выгоды, Сандалетов становился чрезвычайно деятельным, как клоп учуявший запах крови. Попасться Сандалетову со шнапсом Гарик не хотел – пришлось бы откупаться от комсорга той самой бутылкой шнапса или деньгами, в противном случае, грозило выселение из общаги за подобное нарушение. А разве на зарплату мэнээса проживешь на съемной квартире?

Так и есть – в дверь раздался чей-то стук, после чего Сандалетовский голос поинтересовался – дома ли Гарик. Не получив ответа, комсорг немного потоптался у двери и отправился искать новую жертву, что будет менее осторожна, нежели Сева. Гарик облегченно вздохнул и, нарезав лимончик, откупорил бутылку. Однако, вместо шнапса из бутылки появился сизый дымок, из клубов которого перед Севой возник... Самый настоящий джин!.. Правда, похожий больше... на черта или беса, что ли....

Гарик с изумлением смотрел на материализующегося джина и, когда тот обрел уже вполне осязаемую плоть, заикаясь от волнения, спросил:

– Эээээ... Вы, извиняюсь, джин?..

Полностью обросшее густой, чёрной шерстью существо с большим, белым, похожим на сердце, пятном на груди и шее, стояло, разминая отёкшие, от долгого сидения в тесной таре, конечности. Оно с удивлением и уважением разглядывало развешанные на стене плакаты с изображением титькастых Сабрины и Саманты Фокс и Шварценеггера, незаметным движением сравнив свой бицепс с Арнольдовым. Поняв, что весьма проигрывает накачанному культуристу, существо повернулось к хозяину комнаты.

– Я что – похож на джина? – спросило, мило оскалившись, существо из бутылки.

– Вообще-то я никогда не видел джинов, но ты не похож... – Гарик смолк, чтобы подобрать слово. – Как бы сказать... вроде бы на чёрта, что ли...

– А ты что – раньше видел чертей? – рассмеялось существо.

– Нет, не видел...

– В некотором смысле ты прав, я не джин... и даже не вискарик!.. – хохотнул, довольный своей шуткой, не джин и представился: – Хасан Абд Рахмани ибн Ха-Тоба... из тех, кого вы называете чертями.

– Как-как?.. – переспросил Гарик, продолжая воспринимать существо за джина, ибо для него не было никакой существенной разницы между чертом и джином.

– Ха-Тоба, говорю... – повторил чёрт.

– Ааааа... Старик Хаттопыч, что ли?..

– Ну, не такой уж и старик еще... – кокетливо произнес чёрт. – Всего-то семь соток годков еще... – после чего добавил, подыгрывая Гарику: – Слушайся и повинуйся мне, о человек!..

– Пойдите, пойдите!.. – возмутился Гарик. – Это вы мне должны повиноваться! Во всех сказках так!..

– А ты что – думаешь, в сказку попал? Нет, мой дорогой, это реальность! Я бы даже сказал, соцреализм!.. – чёрт с ухмылкой взял со стола газету «Правда» с фотографией Генерального секретаря ЦК КПСС Горбачева на передовице и сунул ту газету Севе под нос.

– Ну, ты мне еще про диалектический материализм задвинь и историю КПСС! – отмахиваясь от газеты, съязвил Гарик, явно опечаленный отсутствием шнапса и каким-то неправильным, по его мнению, джином-чертом.

– Историю КПСС?.. Да запросто! Вот, помню, сижу я, значит, на XIX съезде ВКП (б) в президиуме – как раз между Ворошиловым и Сталиным... Так Сталин мне и говорит...

– В президиуме?.. – удивился Гарик. – Съезда партии?.. Черт?..

– Ну, да... Я тебе больше скажу – в любом президиуме только черти и сидят! Людей туда вообще не пускают – не приматское это дело. Впрочем, тебе нельзя знать об этом...

Ха-Топа замолчал, оборвав свой рассказ, так и не поведав изумленному Гарику том, что же ему сказал Сталин...

– А как вы попали в эту бутылку? – поинтересовался Гарик.

– За лояльность к высшим приматам. Меня понизили, но из-за невозможности отнять навыки высокого порядка, засунули в бутылку.

Не в меру любопытный Гарик уже хотел спросить о тех, кто имеет навыки выше высоких и умеет засовывать целого чёрта в бутылку, как вдруг опять раздался стук в дверь, и Сандалетовский голос спросил:

– Сева, ты дома?.. Открой – я же слышу голоса!.. Кто у тебя там?..

Гарик не успел ответить, как Ха-Топа, воспользовавшись навыками высокого порядка, принял облик своего старого друга Иоганна Вольфганга фон Гёте, подошел к двери и, невзирая на отчаянные жесты хозяина комнаты, открыл дверь, запустив незваного гостя.

– Таааак... – удовлетворённо протянул комсорг, увидев бутылку. – Пьем, значит!.. Говорил тебе – попадешься у меня! А вы, товарищ, кто будете? У вас пропуск в общежитие режимного КБ имеется? – переключился Сандалетов на джина. – Сева, у тебя незарегистрированный в бюро пропусков гость? Ну, ты попал!..

Комсорг подошел к столу, вытащил из папки бланк протокола проверки комнаты и собрался уж было что-то писать, как Ха-Топа спросил у него:

– А вас, мил человек, давно не посылали плантации хрена окучивать?..

– Что?.. – растерялся Санька, не привыкший к такому обращению, ошарашено посмотрев на чёрта.

– Я говорю – не пойти ли вам в сторону бычьего фаллоса? – миролюбиво повторил чёрт. – Впрочем, могу предложить варианты: к примеру, в анус единорога... Дальше продолжать?..

– Я!.. Да я!.. – вскочил потерявший дар речи Сандалетов. – Да я на вас в партком жаловаться буду! Да ты у меня из КБ вылетишь!.. – и Санька стремглав выбежал из комнаты.

– В зад, похоже... – Ха-Топа проводил взглядом выбежавшего комсорга.

Гарик метнулся к двери и закрыл ее на замок, после чего вернулся к чёрту:

– Да ать твою рать! Что ты натворил?! Мало того, что из-за тебя мне шнапса не видать, так теперь точно из общаги попрут!..

– Да успокойся ты!.. – беспечно сказал джин. – Сейчас все улажу...

Джин сделал магический пас руками, как показалось Гарику, и... и исчез!.. Через секунду джин появился дымным серным столбом перед Сандалетовым и, материализовавшись в собственном облике, рыкнул на него так, что Санька от страха шумно наложил себе в штаны весьма пахучие экскременты.

– Сейчас я тебе, кансамолец ты наш, голову оторву, но сначала заставлю съесть горячее блюдо в твоих штанах! – сказал с широкой ухмылкой Ха-Топа, обнажив клыки.

– Зззззз что? – еле вымолвил Сандалетов.

– Зззззззз Гарика! – передразнил его Ха-Топа.

Сандалетов, сотрясаемый от страха позорной трясушкой, недостойной бравого комсорга, упал перед Ха-Топа на колени и взмолился:

– Ннннне надо, пожжалуйссста, я никому никогда не скажу, честное комсомольское!

– Хорошо, гаденыш! На первый раз, несчастный, поверю. Но помни – я за тобой, засранцем, буду приглядывать! – сказал Ха-Топа и исчез, оставив трясущегося от страха комсорга наедине с мокрыми штанами.

...В этот момент Гарри Таратута проснулся. За окном было уже утро, и всю светило солнце. Гарри вспомнил свой сон и сладко потянулся. Ему снились три совершенно обнаженные девушки невиданной красоты и нежности, он целовал их ноги и называл богинями... Правда, потом в сон ворвалась жена и, размахивая скалкой, точно свирепый янычар своим ятаганом, разогнала всех богинь к едрене фене, заявив своим появлением торжество атеизма... Ну, если и не атеизма, то монотеизма точно – поклоняться иным богиням, кроме как своей жене, Гарри запрещалось категорически под страхом Семейной Инквизиции. Одна только отрада и была у Гарри – работа!..

Эх, все же хорошо, что тогда бес Ха-Топа открыл ему тайны человеческого разума, благодаря которым Гарри сделал секретное психиатрическое открытие и стал самым молодым профессором Медицинской Академии Наук. Правда, имя пришлось поменять – это уж в КГБ настояли: в те годы всем секретным академикам и профессорам имена меняли – не избежал этого и Гарри Севастьян, ставший Гарри Таратутой и заведующим Мамоновской психиатрической клиникой.

Мамоновский филиал секретного нейро-психиатрического НИИ после развала Союза сократили и ликвидировали, а Вагиз Арутюнович же пошел на повышение, возглавив краевую психиатрию. Все в жизни Гарри Таратуты было шикарно, за исключением одного «но» –

Санька Сандалетов, по кличке Сандадь, бывший комсорг, который внезапно на гребне перестройки подавшись из мелких шантажистов в рэкетеры, со временем стал лимонистым боссом, как называли индюков преступного мира, не нюхавших баланду, но изображающих крестных отцов мафии. И хотя у Таратуты с Сандаем никаких взаимных проблем не было, все же, Гарри избегал встречаться с Сандаем на великосветских мамоновских раутах – мало ли... Слишком, уж, хорошо они знали друг друга...

Вывеска проходной завода «Серп и молот», была подпорчена неуклюжей корявой припиской от руки – «и Яйцо», вероятно, намекавшей, что на заводе занимались ещё и сельскохозяйственным машиностроением, а может, и просто дело рук местной шантрапы. Контора металлургического завода не имела внушительного вида своего прашура – видок, скажем прямо, был, скорее, обратным от противного – унылый и сиротский: всюду царило запустение, валялся различный мусор, а сквозь щели ограды территории завода виднелись полуразваленные цеха, в которых некогда бурлила жизнь, с зияющими глазницами выбитых окон.

Важного вида, явно уже опохмелившийся охранник, бессмысленными глазами глянув в предъявленное капитаном Мымриком служебное удостоверение, показал тому путь к заводскому музею: вход в здание музея находился чуть поодаль по прямой, а потом направо и еще три раза налево – «В общем, там сам увидишь».

Пантелеймон продрался через заросли крапивы, по пути пару раз наступив в то, что в приличном месте валяться не должно ни коим образом, и оказался у старинных, густо крашенных с подтеками масляной краской, высоких дверей заводского музея. Как оказалось, двери были заперты изнутри. Не найдя кнопки звонка, от которого болтался лишь обесточенный провод, капитан уверенно и громко забарабанил в дверь кулаком. Вскоре послышался шум отодвигаемого засова, двери распахнулись, и перед взором капитана предстала... Варвара!..

– Что – арестовать пришел? Вот же дал бог соседа... – проворчала Варвара, увидев капитана и инстинктивно – на всякий случай – застегивая верхнюю пуговичку блузки.

– Нет... – смутился было капитан, но затем строго сказал: – Я здесь в связи с совершенным преступлением, а потому требую от вас, гражданка Дородная, оказать всяческое содействие проводимому мной следствию!

– Поглядите на него! – возмутилась Варвара. – С утра он мне все мозги проел, посадить грозился, а теперь – помогите ему!.. – с этими словами Варвара развернулась и пошла внутрь музея.

Капитан, секунду потоптавшись на пороге, проследовал за Варварой, которая уже подошла к каким-то дверям, распахнула их и сказала, махнув в сторону раскрытых дверей:

– Вот...

– Что вот?.. – спросил Мымрик, разглядывая Варвару с ног до головы и со знанием дела оценивая ее природные достоинства, успев за пару секунд раз пять мысленно изменить жене с Варварой. Блин!.. Такого от Варвары он не ожидал!..

– Место преступления – вот, говорю. Только с утра уже была группа из РОВД с экспертом и пёсиком – все облазили и никаких следов не нашли.

– Знаю, – ответил капитан. – Потому я и здесь.

ГЛАВА 3

Колька Селезнев, только что закончивший шестой класс, слонялся с утра без дела. Его тощая, по-детски неуклюжая фигура маячила в разных уголках городка, так он полноценно тратил своё летнее время, свободное от учебы и внимания родителей. У него, как у других, не было бабушки в деревне, а родители купить путевку в летний лагерь не смогли. Колькина мать – Алиса Селезнева – получала мизерную зарплату, работая медсестрой в заводском фельдшерском пункте. А его вполне законный, хоть и гражданский, отец Валька Распутин, уж, полгода как сокращенный с завода, перебивался случайными заработками. Предоставленный саму себе, Колька Селезнев, в конце концов, приходил к реке и ожидал здесь своего закадычного друга Стаса Мымрика. Это было место их встречи, они вдоволь здесь купались и загорали...

Когда-то давно, зимой 1941 года, когда фашистская авиация разбомбила единственный в округе мост, по льду реки была проложена дорога, по которой в тыл вывозили раненых бойцов и эвакуированных жителей, а также вывозили заводское оборудование. Говорят, тогда под лед провалилась полуторка с чекистами, перевозившими какие-то ценности. После войны власти пытались отыскать затонувший грузовик – но без результата. Потом долго еще – вплоть до развала СССР – в том месте купаться было строго запрещено. Это уже потом все дно реки излазили черные копатели да нырятели, но, однако, ничего не нашли. Говорят, еще в 1950-е годы какая-то юродивая бабка несколько раз сбегала из местной психушки и прибежала на этот берег, плевалась в воду и называла это место чертовым омутом и бесовской ямой. Потом эту бабку не то перевезли куда, не то усыпили, чтобы она не будоражила умы местных жителей своей религиозной чертовщиной.

Колька Селезнев сидел на берегу протоки и кидал обломки кирпичей, наблюдая на расхидившиеся по воде кругами и повторял слова из своей любимой сказки про дурачка Емелю:

– По щучьему велению, по моему хотению...

И вдруг, после очередного броска осколка кирпича, вода в протоке забурлила, словно откуда-то со дна вырвались клубы воздуха, и на поверхность всплыла огромная щука со старым, полусгнившим деревянным ящиком (длиной около полутора метров и толщиной примерно полтора десятка сантиметров) в пасти. Она подкинула ящик к берегу и, с силой ударив мощным хвостом по воде и окатив Кольку брызгами, исчезла обратно в пучине протоки.

– Ружье, наверно!.. – подумал обрадованный Колька. – А то и винтовка какая!.. Пацаны обзавидуются теперь!..

Колька мигом спрыгнул в воду и вытащил ящик на берег, после чего смыл с него ил. На заколоченной гвоздями крышке ящика была частично сохранившаяся, выполненная белой краской трафаретная надпись, которая, как смог разобрать Колька, гласила: «Соверше... о... ретно! Опасный груз! Не вскрывать! Соб... енность государства! Под охран... НКВД!» Под этой надписью той же белой краской от руки кистью было написано: «Ст... ший упол... че... й отдела секре... х ценно... и оккул... ых артефа... в майор НКВД Федор Куроч... ин».

Колька пнул ящик ногой, отчего тот рассыпался, и среди обломков ящика в остатках сгнившей мешковины показался – к глубочайшему Колькиному разочарованию – лом... Обыкновенный лом, а никакая не винтовка... Обычный лом, какой есть практически в каждом доме.

У Колькиного отца в гараже два таких... Колька взял в руки лом и осмотрел его – так и есть! – обыкновенная говенная железяка, не имеющая никакой ценности. Правда, с каким-то странным значком...

Колька обеими руками раскрутил лом и выкинул его подальше в прибрежные кусты, после чего побрел домой: каникулы – каникулами, в обед по расписанию! Разочарованный Колька ушел с берега прочь и уже не видел того, как вода в протоке – в том самом месте, откуда всплыла щука с ящиком в зубах – булькнула еще раз, выплюнув на поверхность какой-то бумажный лист, пожелтевший от времени, который поплыл по течению вниз. Лишь пролетавшие над медленной рекой стрекозы могли с высоты своего стрекозиного полета увидеть тот листок с изображением орла, сжимающего в своих когтистых лапах венки из дубовых листьев с многоизогнутым крестом в центре венка. А если бы те стрекозы умели еще и читать, то, наверняка, они прочли бы и напечатанный готическим германским шрифтом текст со странным словом Ahnenerbe...

Получив повестку, Варвара Петровна подчёркнуто громко запричитала. Она связала свой небольшой промысел – продажу самопальной водки – с появлением повестки, грозящей подорвать её небольшое благосостояние.

– Несчастливая я женщина! – причитала пьяная Варвара, сидя на кухне, широко раздвинув ладные крутые бедра, хлопая по ним своими мягонькими ладошками, одновременно хладнокровно биясь головой об трубу отопления. Но Пантелеймона, как назло, не было дома и его сердце осталось нетронутым. Ментовская жена – Лизавета Мымрик, вернувшись с ночной смены в базарном ларьке, спала, как убитая непомерной жизнью лошадь. Мымрик-младший где-то слонялся без дела.

Гул доносился с пятого Варвариного этажа по стояку до подвала. На третьем этаже жили сумасшедшие Мосины – они могли подумать, что угодно. На втором обрадовались – решили, что идут ремонтные работы. На первом этаже никого не было – хозяин уж как полгода был не то в отъезде на заработках, не то в СИЗО... В подвале же произошло некоторое возмущение.

Местный воевода нечисти – подвальный бес Карл – в это неподходящее время принимал гостей: мелких бесов и бесенят подотчетного ему района: Ха-Топа, Ха-Пито, Ха-Пупо, Ха-Моно, Ха-Вишня... Среди них находился и Варварина отрада Ха-Куко – так себе бесишко. Сам же Карл, по собственной легенде, происходил из благородного рода замковых привидений. Но вся районная нечисть знала, что его произвели в бесы за то, что Карл в свою земную бытность, хотя это тоже вполне могло оказаться очередной ложью, преуспел в написании кляуз и доносов, благодаря которому сгинули многие несчастные людишки. Ха-Куко преданно делал вид, что верит рассказам беса Карла, и даже сам придумал и распространял среди других бесов выдумку, будто высокая желчь Карла появилась в районе Бермудского треугольника от соития страха чёрных людей и жестокости работоторговцев. Неуклюжая выдумка с человеческими грехами снискала у Карла симпатию.

Вообще-то, Ха-Куко слыл большим драчуном, довольно часто затевал драку с другими бесами, поэтому они его сторонились. Вроде бы был, на первый взгляд, спокойным, но, ни с того, ни с сего, из-за какой-либо мелочи, мог вспылить. У него был отломан один рог – награда за буйный нрав. Ко всему ещё, он был не столь волосат, вернее шерстист, как остальные бесы, и мог бы сойти по объёму волосяного покрова за обычного уроженца южных регионов.

Сейчас бес Карл производил в учебно-показательных целях прилив желчи у валявшегося в подвале вечно пьяного сантехника Матроскина, которого погнала из хаты вон его родная жена. Матроскин сидел, бездумно вращая глазами, растопылив пальцы, будто приготовился вцепиться кому-то в горло.

За всем этим равнодушно наблюдая, поодаль лежал кот в клетчатых штанах с подтяжками – кот Васька был приёмным сыном сумасшедших Мосиных с третьего этажа. Васька любил сбегать от своих чудаковатых хозяев. Причем, сбегал непременно в подвал – понаблюдать за Карлом...

– Человек – есть паразит Земли! – важно сказал Карл, указав пальцем вверх, и в этот же самый момент вдруг раздался Варварин стук по трубе. Обычно бесы не обращали внимание на такие мелочи, но Карл подозрительно посмотрел на Ха-Куко, и в это время сантехник Матроскин вышел из анабиоза, в который ввел его Карл, и открыл глаза.

– Уаааа!.. – завопил Матроскин и кинул в Карла рабочим орудием труда сантехника – разводным газовым ключом. И, конечно же, промахнулся...

Тем временем Карл опять взял ситуация под контроль, и Матроскин снова захлопнул глаза и приу молк.

– Человек – есть живой механизм для производства дерьма, – продолжил урок Карл.

Но тут опять послышался металлический гул стояка. Карл намекающе посмотрел на Ха-Куко.

– Это, по-моему, тебя... – сказал он ему строго, указав на трубу.

Ха-Куко, ележно потупившись рылом, откланялся и извернулся в квартире своей ласковой хозяйшки, дымным серным столбом встав перед Варварой... Сквозь пелену слёзной влаги она не сразу рассмотрела свою последнюю отраду, а рассмотрев, не промахнулась – она бросилась на шерстистую, костлявую бесовскую грудь с криком:

– Ой, посадят меня одинокую!.. – и, выдвинув нежнокожую челюсть, разъяснила: – Менты, волчары позорные, дело шьют!..

Ха-Пуло нахмурился – он прекрасно знал о том, что в милиции очень хорошо умели шить дела. Там с этим справлялись даже лучше, нежели с поиском и ловлей опасных преступников. Иногда даже казалось, что сотрудников органов специально готовят в швейном техникуме. Ну, по крайней мере, практику они в нем проходят точно...

Три неразлучных еще со школы подружки, полуграции Вера, Надя и Люба решили заняться бизнесом. Они целых два битых часа усиленно мозговали, отчего даже очень устали с непривычки, но они так и не могли решить, чем бы им заняться. И, в конце концов, за неимением других талантов, решили, все-таки, заняться проституцией. На волне подъема кооперативного движения подружки зарегистрировали швейный кооператив и заняли некую площадь в подвале дома по улице Космонавтов, причем, с отдельным входом, а на улице к стене

над дверью прибили вывеску, которая гласила, что здесь находится мастерская по пошиву одежды «Сосёнка». Оборудовали помещение для утех кроватями, на всякий случай принесли откуда-то некое подобие швейных машинок, расставив их по столам, подобранным возле свалки у столовой, развесили ковры и разные цветастые плакаты да картины, которые они утащили из ленкомнаты завода и из раздевалки местной бани, накупили спиртных напитков, сами приготовили закуски... И всё у них пошло, как по маслу... И клиенты пошли... (Была в «Сосёнке» и своя «Книга жалоб и предложений». Буквально за месяц работы заведения, «Книга» наполнилась такими отзывами, что, воспитанному в духе семейных ценностей человеку, было откровенно стыдно читать ее. Впрочем, многие мамоновцы из числа тех, у кого наблюдался недостаток денежных средств, дабы оплатить услуги граций, приходили в «Сосенку», как в библиотеку, с одной лишь целью – почитать ту «Книгу». Через некоторое время «Книга» исчезла, а затем на прилавки книжных магазинов вышел новый эротический бестселлер анонимного автора Х.Т., в котором многие без труда узнали действующих лиц заведения и их клиентов.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.